

Мошкин С.В.,
д. полит. н.,
старший научный сотрудник,
Институт философии и права
Уральского отделения Российской
академии наук;
osa-sv@yandex.ru

Деструктивные проявления в современных медиа

Аннотация: в статье рассматриваются деструктивные проявления коммуникативных агрессий в медиасфере. Акцентируется внимание на росте агрессивности в политическом дискурсе в силу распространения и общедоступности интернета. Высказывается суждение, что необходима широкая общественная дискуссия по поводу формирующейся практики цензуры в интернет-коммуникациях.

Ключевые слова: интернет-коммуникации; коммуникативные агрессии; политический дискурс; интернет-цензура.

Sergey Moshkin,
Doctor of Political Sciences,
Institute of Philosophy and Law
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Senior Researcher, Department of Philosophy;
osa-sv@yandex.ru

Destructive Manifestations in Modern Media

Abstract: the article discusses the destructive manifestations of communicative aggression in mass media. Attention is focused on the growth of aggressiveness in political discourse due to the spread and accessibility of the Internet. The author believes that a broad public discussion about the emerging practice of censorship in Internet communications is required.

Key words: internet communications; communicative aggression; political discourse; Internet censorship.

Распространение современных цифровых технологий привело к коренному изменению функционирования медиасферы и сломало традиционную одностороннюю схему информирования аудитории: от институционально очерченного публикатора, будь то издательство или редакция, к неопределенному кругу читательской аудитории. Вчерашний безликий потребитель медиапродукта сегодня сам активно вторгается в медиасферу и посредством интернетасам становится активным генератором публичной информации. Особенно это заметно в сфере политики. Если раньше между политиком и массовым избирателем стояла некая интеллектуальная прослойка в виде традиционных СМИ – публикаторов, в которых редакторы решали, как именно политик через них будет общаться с избирателем, то сегодня избирателю, чтобы высказать свое ответное мнение на месседж политика, не нужны ни редакция газеты, ни даже сам политик, потому что в новой медиареальности любой человек с любыми мыслями имеет возможность их опубликовать и быть прочитанным большой аудиторией. То есть посредник в виде публикатора, в виде профессиональной корпорации журналистов традиционных СМИ перестает быть нужным. В каком-то смысле это возвращение в античность, когда все граждане могут высказаться напрямую и быть услышаны.

Традиционные СМИ, в силу политической ангажированности и профессиональных стандартов, существенно ограничивали возможность большинству социума публично высказываться о политическом. С приходом интернета в каждый дом эти ограничения сняты, молчащее прежде, но не молчаливое большинство получило такую возможность, и инстинкты толпы неизбежно хлынули в медиасферу, неся с собой конфликтность, радикализм и агрессию. И здесь выяснилось, что сдерживать человеческий негатив в интернет-медиа попросту некому: новый медийный этос не сформирован; интеллектуальная элита, чья задача задавать культурные и этические стандарты поведения, сама оказалась вовлеченной в бесконечные медиавойны, где каждый по своему прав и непреклонен; да и СМИ в их традиционном виде перестали существовать, утратив способность и желание давать объективную оценку событий, в борьбе за аудиторию они не прочь исказить факты или представить их ложную интерпретацию в угоду настроениям толпы и политической конъюнктуре. Эти обстоятельства уже на ранних стадиях формирования массовых сетевых сообществ вызвали обеспокоенность специалистов и подвели их к выводу о том, что

«ряд устоявшихся теорий и моделей в сфере политического управления и политических коммуникаций требуют своего пересмотра и адаптации применительно к интернет-пространству» [1, с. 245].

В этом смысле с исследовательской точки зрения важно установить причины всевозрастающих деструктивных проявлений в медиасреде и, в частности, коммуникативных агрессий, под которыми понимается нанесение оппоненту идейно-политического, культурно-нравственного и репутационного ущерба по медийным каналам [3].

Как представляется, в первую очередь это связано с особенностями функционирования интернета как такового. «Этот новый медиум, – пишут польские исследователи В. Новяк и П. Павелчик, – со всей силой обнажил сидящую в человеческих существах жажду подглядывания, агрессивно критического комментирования и эксгибиционизма – обнажения себя. Сидящие в индивидах комплексы, расстройства, травмы и общественные недостатки нашли новый выход в их анонимном, публичном изъятии. <...> Индивид способен нести в интернет, и несет в него, негативизм, ненависть, агрессию» [2, с. 70–71].

Во-вторых, налицо кризис самой журналистской профессии, подрыв ее институциональных основ, девальвация профессиональных стандартов, норм и этических принципов, что неизбежно ведет к снижению качества журналистских материалов, к таблоидности, скандальности и сенсационности в их подаче. К тому же классическую журналистику, основанную на профессиональном предоставлении информации, существенно подорвала экспансия интернета. В погоне за новыми моделями заработка традиционные издания все активнее включаются в мировую паутину посредством своих интернет-версий и, как следствие, начинают играть на информационном поле по правилам интернет-среды с присущей ей пониженной социальной ответственностью. Но если профессиональная журналистика еще в состоянии контролировать степень агрессивности своих материалов, то обсуждение этих материалов в интернет-дискуссиях для издателей процесс абсолютно неуправляемый. Негативные установки, оскорбления, обвинения и угрозы становятся здесь неотъемлемой частью полемики. «Журналистика становится бессильной, когда дискуссия выходит за установленные ею рамки, как в тематическом плане, так и пространственном, – констатирует Р.Г. Иванян. – Именно эта черта в наибольшей степени характеризует место и роль журналистики в современном мире» [2, с. 213].

И, наконец, немалую роль в развязывании коммуникативных агрессий зачастую играет сама государственная власть посредством разнообразных институтов политической пропаганды. Российский опыт – тому подтверждение. Здесь коммуникативные агрессии со стороны государственных СМИ в отношении реальных и мнимых политических оппонентов характеризуются ярко выраженным желанием нанести им максимальный репутационный вред, что делает их особенно травмирующими. И есть все основания полагать, что применение коммуникативных агрессий в официальном политическом дискурсе России будет только усиливаться.

Однако, как противостоять всему этому, непонятно. Рецептов попросту нет. Сложно ожидать от журналистов, чтобы они соблюдали профессиональные стандарты и правила, этические принципы и кодексы профессионального поведения, когда серьезно подорвано само доверие к СМИ и журналистской профессии. Надеяться на корректное поведение пользователей интернета тоже не приходится. Остается лишь предостерегать достойных журналистов от возможности невольного провоцирования агрессии в медиасфере и уповать на то, что в обществе наступит определенная усталость от коммуникативных агрессий и что у людей сформируется некий запрос на «толерантность» политических дискуссий.

Впрочем, появились и реальные попытки нормализации общения и снижения агрессии в интернет-среде. Речь идет о практике некоторых социальных сетей цензурировать личные посты и сообщения пользователей. По сути, мы говорим об ограничении свободы слова – на этот раз в интернете. Сегодня крупнейшие социальные сети, такие как Facebook, Instagram или Twitter, имеют миллиарды пользователей по всему миру, а число подписчиков на популярных блогеров и знаменитостей исчисляется десятками миллионов. Новые коммуникационные ресурсы превратились из площадок межличностного общения в серьезные средства массовой информации. Такая ситуация привела к тому, что социальные интернет-сети стали использоваться для политической мобилизации, причем хорошо известно, что для этого применяются фейковые аккаунты, а распространяемая информация порой не соответствует действительности. Естественно, с подобными политическими провокациями стоит бороться, однако такая борьба, похоже, привела к противоположным эксцессам, и прежде всего к «фильтрации» информации, исходящей от реальных людей, имеющих

право на собственное мнение. Их суждения стали произвольно оцениваться работниками (эту работу все чаще стали выполнять роботы) самих информационных гигантов. Яркий пример тому – последние президентские выборы в США осенью 2020 года. Наблюдая за ходом кампании, мы, в частности, стали свидетелями фактической блокировки сетями Twitter и Facebook сотен аккаунтов частных лиц и организаций, не говоря уже о блокировке якобы сомнительной информации, размещенной в сети действующим еще на тот момент президентом Трампом. Ссылаясь на масштабный рост дезинформации о выборах, вслед за Twitter и Facebook о дополнительных мерах по борьбе с ложными сведениями объявили Instagram и YouTube.

Стоит ли сомневаться, что владельцы и администраторы социальных сетей в данном случае руководствовались благими намерениями. Они наверняка искренне хотели оградить политизированную публику от информационных провокаций и тем самым снизить градус агрессивности предвыборной гонки и уберечь общество от окончательного политического раскола. Но можно ли ради этого, пусть даже самого благого намерения, жертвовать принципом свободы слова и самовыражения? Можно ли во имя преодоления деструктивных последствий коммуникативных агрессий применять в медиасфере инструменты цензуры? Это серьезные вопросы, на которые нет, да, наверное, и не может быть, однозначных ответов. А значит, нужна широкая общественная дискуссия и научное осмысление появившейся практики цензурирования интернета.

Литература

1. *Володенков С.В.* Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2015. 269 с.
2. Коммуникативные агрессии XXI века / под ред. В.А. Сидорова. СПб.: Алетейя, 2019. 254 с.
3. *Сидоров В.А.* Коммуникативные агрессии XXI века: определение и анализ предпосылок // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык литературы. 2018. Т. 15. Вып. 2. С. 300–311.